

УДК 343.11

В статье анализируются содержательные аспекты процесса построения конструкций экономических преступлений в отечественном уголовном праве. Автор предлагает варианты классификации таких конструкций, критерии их разграничения.

Ключевые слова: экономические преступления; уголовное право; законодательная техника; правотворчество; состав преступления; конструкции преступления.

In article substantial aspects of process of creation of designs of economic crimes in the domestic criminal law are analyzed, the author offers options of classification of such designs, criteria of their differentiation.

К е у w o r d s : economic crime; criminal law; legislative technique; law-making; corpus delicti; structures of crime.

О. Г. Соловьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

Современные подходы к использованию конструкций преступлений в сфере экономической деятельности в уголовном праве России*

Научная статья

O. G. Solovyev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Modern Approaches to Usage of Structures of Crimes in the Sphere of Economic Activities in the Criminal Law of Russia

Scientific article

В теории права общепринято, что использование юридических конструкций как средства законодательной техники позволяет облегчить формулирование правовых норм, придает нормативной регламентации общественных отношений четкость и определенность. По мнению А. В. Иванчина, уголовно-правовая конструкция – это средство законодательной техники, представляющее собой структурную модель группы однородных правовых явлений, определенную комбинацию элементов которой законодатель наполняет юридически значимой информацией, регламентируя тем самым в уголовном законодательстве соответствующую разновидность данных явлений [1, с. 88].

Однако, несмотря на то что конструкция выступает в качестве модели, обязательное наличие в ней таких элементов, как право, обязанность и ответственность соответствующих лиц, не является необходимым, поскольку в последнем случае происходит подмена юридической конструкции правоотношением. Так, С. С. Алексеев

рассматривал юридические конструкции как «специфическое построение нормативного материала, соответствующее определенному типу или виду сложившихся правоотношений, юридических фактов, их связи между собой» [2, с. 275]. В каждой отрасли права существуют различные конструкции: в уголовном праве – модели составов преступления; в гражданском праве – разнообразные конструкции договоров и т. д. Как правило, в литературе выделяются пять основных видов уголовно-правовых конструкций: 1) преступления, 2) деяния, совершенного при обстоятельствах, исключающих его преступность, 3) наказания, 4) освобождения от уголовной ответственности, 5) освобождения от наказания [1, с. 8]. Полагаем, что к этому перечню возможно добавить также конструкции *соучастия, вины, множественности* и др.

Несомненно, что основная уголовно-правовая конструкция – это конструкция преступления, которая объединяет элементы, традиционно

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00478.

изучаемые в общем учении о составе преступления. Традиционной для отечественного уголовного права выступает конструкция состава преступления, слагающаяся из четырех элементов (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона).

В настоящее время в гл. 22 УК РФ закреплено 55 основных составов, из них 33 имеют формальную конструкцию, 14 – материальную, 8 – формально-материальную. Очевидно, что в криминологическом плане преступления в сфере экономической деятельности в качестве базового элемента, определяющего степень их общественной опасности, включают в себя последствия в виде причинения экономического ущерба. Однако в законодательные конструкции подавляющего количества деяний такой признак не попал. В 8 случаях он имеет альтернативное значение и на практике, как правило, не востребован. Так, в подавляющем большинстве изученных случаев уголовные дела по ст. 171, 172 УК возбуждаются исключительно по «формальному» признаку – *извлечение дохода в крупном (особо крупном) размере*, а исследование обстоятельств, связанных с причинением ущерба, правоприменителем практически не осуществляется [3, с. 78; 4, с. 78].

Формальные по конструкции составы в гл. 22 УК можно условно разделить на две группы: 1) классические «формальные» (ст. 170, 171.2, 174, 174.1, 186 и др.), в которых отсутствуют любые количественные признаки деяния, характеризующие криминообразующие пороги и 2) опосредовано-формальные, в которых преступное деяние обязательно опосредуется достижением необходимого количественного результата (размаха преступной деятельности), который образует криминообразующий порог (ст. 171.1, 191, 192 и др.). Законодатель для определения таких признаков использует понятия «извлечение дохода в крупном размере», «избежание убытков в крупном размере» и т. д. В других случаях такое опосредование может быть связано со спецификой предмета, который может быть определен в количественных показателях, например размер подкупа (примечание к ст. 184, ч. 2 ст. 76.1)

Заметим, что опосредовано-формальные по конструкции составы, в которых используются стоимостные признаки, характеризующие размах преступной деятельности, в определенной степени востребованы правоприменительной практикой.

Классические «формальные» составы востребованы практикой в меньшей степени; исключение составляет ряд общеуголовных экономических преступлений, которые достаточно часто применяются на практике в силу сопряженности с иными посягательствами или ввиду их низкой латентности (ст. 175, 179, 186 УК РФ).

В такой ситуации большинство классических «формальных» экономических посягательств, в которых отсутствуют количественные криминообразующие пороги (ст. 169, 189, 190, 193¹ и др.), обречены оставаться «мертвыми», поскольку конструкции являются «недогруженными», незаполненными всеми необходимыми признаками. Полагаем, что: 1) ряд составов преступных посягательств следует дополнить признаками, характеризующими размах преступной деятельности – криминообразующими и дифференцирующими порогами (ст. 174, 174¹, 190, 193¹), 2) деяния, закрепленные в ст. 169, 170, 183, требуют скорейшей «материализации». Такие законодательные решения, несомненно, будут соответствовать требованиям законодательной техники, межотраслевой дифференциации и потребностям правоприменительной практики.

В ином случае на практике могут возникать различные коллизии и нестыковки. К примеру, в случае умышленного занижения налоговых платежей за землю возникает вопрос о разграничении налоговой (ст. 122 НК РФ) и уголовной ответственности (ст. 170 УК РФ). Другая проблема – конкуренция ст. 170 УК РФ с иными налоговыми составами. Действующая редакция регистрации незаконных сделок с землей предусматривает уголовную ответственность за занижение налоговых платежей за землю в любом размере, тогда как в примечаниях к ст. 198 и 199 установлены определенные размеры, превышающие 600 тыс. и 2 млн рублей. Установление криминообразующего порога в ст. 170 будет правильным нормативным решением.

И, напротив, в отдельных случаях возможно и необходимо исключение количественных признаков, образующих криминообразующие пороги – превращение опосредовано-формальных в классические формальные конструкции. Зарубежный опыт регламентации классических «формальных» составов (без указания вредоносных последствий и криминообразующих порогов) может быть частично востребован в построении ряда диспозиций норм об экономических преступлениях

в УК РФ. Это касается прежде всего высоколатентных деяний, в которых затруднительно выявлять и фиксировать экономический размах преступной деятельности, например незаконные организация и проведение азартных игр (ст. 171²). Данные статистики по применению ст. 171² свидетельствуют о следующем: в 2011 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 20 преступлений, при этом лишь одно уголовное дело было направлено в суд для рассмотрения по существу, одно лицо привлечено к уголовной ответственности. В 2012 г. количество зарегистрированных преступлений составило 96. В суд с обвинительными заключениями направлено лишь 33 уголовных дел [5, с. 63]. Однако, после того как в декабре 2014 года законодатель исключил признак, предусматривающий извлечение дохода в крупном размере из ч. 1 ст. 171², количество зарегистрированных дел по данной статье увеличилось в несколько раз и в 2015 году составило уже 490 случаев [6, с. 56; 7, с. 103]. Очевидно, что небольшое количество ранее выявляемых преступлений явно не соответствовало реальной криминогенной ситуации в сфере организации игорного бизнеса. В таких случаях полная «формализация» конструкции рассматриваемого посягательства и исключение криминообразующих признаков (порогов), связанных с извлечением дохода, соответствует потребностям правоприменительной практики.

При описании деяния в конструкциях преступлений в гл. 22 УК РФ используются три варианта: 1) конструкция «активное поведение» (только действие) – ст. 170¹, 171, 171², 172, 174 и др., 2) конструкция «действие-бездействие» – ст. 169, 178, 185¹, 185⁴, 195 и др., 3) конструкция «бездействие» – ст. 177, 190, 192, 193, 194 и др.

При характеристике активного поведения используются два варианта описания преступных действий: во-первых, применяются традиционные «уголовные» термины: *приобретение, сбыт* (ст. 175), *принуждение* (ст. 179), *подкуп* (ст. 184), *хранение, перевозка, переработка в целях сбыта* (ст. 191¹), *незаконное перемещение* (ст. 200¹); во-вторых, закрепляются специальные действия, характерные для различных сфер экономики: *осуществление предпринимательской деятельности* (ст. 171), *образование (создание, реорганизация) юридического лица* (ст. 173¹), *совершение финансовых операций* (174, 174¹), *незаконные экспорт* (ст. 189), *совершение валютных операций* (ст. 193¹).

В регламентации конструкций «действие-бездействие» законодатель применяет несколько нормативных вариантов: 1) в диспозиции нормы прямо указывается на возможность осуществления деяния путем «... *совершения действий (бездействия)*» (ст. 196); 2) при описании объективной стороны посягательства используются признаки, характерные как для бездействия, так и для действия, например а) «*злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации...*», б) «... *предоставление заведомо неполной или ложной информации...*» (ст. 185¹) либо а) «*неправомерный отказ в государственной регистрации...*», б) «*незаконное вмешательство в деятельность...*» (ст. 169); 3) в этом случае законодатель говорит о нарушении каких-либо правил и возможные формы деяния устанавливаются путем толкования бланкетного отраслевого законодательства – «*нарушение установленного порядка учета прав на ценные бумаги...*» (ст. 185²); 4) в иных случаях предусматривается использование в диспозиции нормы внешне нейтрального термина «*сокрытие*» (ст. 195, 199²), который, помимо активных форм утаивания, предусматривает, например, пассивное поведение в виде умолчания, при наличии обязанности раскрыть необходимую информацию.

Конструкции преступления-бездействия предусматривают два варианта регламентации – *простой* и *сложный*. Простой связан с терминологией и набором признаков, которые очевидно указывают на преступное бездействие субъекта: *злостное уклонение ... от погашения кредиторской задолженности* (ст. 176), *невозвращение в установленный срок на территорию Российской Федерации культурных ценностей* (ст. 190), *неисполнение обязанностей налогового агента* (ст. 199²). Сложный вариант предусматривает конструкцию, когда законодатель одновременно указывает а) на уклонение от возложенных обязанностей, б) определенные способы (действия) по уклонению – «*уклонение от уплаты налогов и (или) сборов... путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений...*» (ст. 198, 199 УК РФ). Такая редакция дает основание некоторым правоведом ошибочно утверждать, что указанные посягательства могут совершаться как путем бездействия, так и действием [7, с. 17; 8, с. 234]. Направление в решении этого дискуссионного вопроса предлагает п. 1 Постановления ПВС № 64, в котором указано,

что «общественная опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, то есть умышленное невыполнение конституционной обязанности каждого платить законно установленные налоги и сборы, заключается в непоступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации» [10, с. 5]. Такая позиция пленума Верховного суда РФ явно ориентирует на оценку содеянного как бездействия. Полагаем, что замена термина *уклонение* на признак *неуплата* в большей степени будет соответствовать криминологической характеристике налогового преступления и с большим пониманием будет воспринята учеными.

Ссылки

1. Иванчин А. В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003. 201 с.
2. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 2. 355 с.
3. Князьков А. А. О противоречиях уголовной политики в сфере регулирования экономической деятельности // Всероссийская научно-практическая конференция стипендиатов Оксфордского Российского Фонда «Грани гуманитарного знания» (15–16 ноября, Ярославль). Ярославль, 2012. С. 123–125.
4. Кругликов Л. Л., Соловьев О. Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения (Вопросы конструирования составов и дифференциация ответственности). Ярославль, 2003. 224 с.
5. Преступность, национальная безопасность, бизнес / под ред. А. И. Долговой. М., 2012. 650 с.
6. Афанасьев Л. Д. Преступления в сфере организации и проведении азартных игр: новые возможности правоприменительной практики // Совершенствование законодательной и правоприменительной практики на современном этапе: материалы региональной научно-практической конференции, 25–26 февраля 2016 г. Иркутск, 2016. С. 55–57.
7. Грибов А. С. Вопросы законодательной регламентации и официального толкования признаков незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. М., 2016. № 5 (88). С. 102–105.
8. Колоколов Н. А. Стадии уклонения от уплаты налогов: применение уголовной ответственности // Налоги. 2009. № 1. С. 13–17.
9. Соловьев И. Н. Налоговые преступления и преступность. М.: Экзамен, 2006. 526 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 N 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3. С. 7.